

Н. Бубнов

**Сборник писем Герберта, как
исторический источник 983—
997**

**Критическая монография по
рукописям. Часть I**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н. Бубнов**
Сборник писем Герберта, как исторический источник 983–997: Критическая
монография по рукописям. Часть I / Н. Бубнов – М.: Книга по Требованию,
2021. – 392 с.

ISBN 978-5-4241-3641-2

ISBN 978-5-4241-3641-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавая въ свѣтъ этотъ первый томъ моихъ изслѣдованій о сборникѣ писемъ Герберта, я считаю небезполезнымъ сказать нѣсколько словъ, какъ о характерѣ, такъ и о задачахъ моего труда.

Къ занятіямъ, результатомъ которыхъ является настоящее сочиненіе, я приступилъ въ концѣ 1882 года. Въ то время я совершенно не имѣлъ въ виду придавать моему труду того спеціальнаго характера, который онъ получилъ впоследствии. Моимъ первоначальной цѣлью было написать этюдъ подъ заглавіемъ «Гербертъ и его время». Въ основаніе этого этюда должна была, разумѣется, лечь біографія Герберта, но не она сама по себѣ привлекала мое вниманіе. Меня интересовали главнымъ образомъ тѣ событія и тѣ стороны политической и церковной жизни десятаго вѣка, съ которыми она тѣсно связана. Гербертъ былъ несомнѣнно однимъ изъ самыхъ выдающихся научныхъ, политическихъ и церковныхъ дѣятелей своего времени. Поэтому біографъ его имѣетъ прекрасный случай рассмотреть десятый вѣкъ, этотъ темный и малоизслѣдованный періодъ средневѣковой исторіи, въ научномъ, политическомъ и церковномъ отношеніи.

Какъ ученый, Гербертъ врядъ ли имѣлъ себѣ равнаго между современниками, какъ по количеству своихъ знаній, такъ и по тому направленію, которое онъ придалъ своимъ занятіямъ. Несмотря на свой монашескій санъ, онъ, въ противоположность господствовавшему тогда аскетическому теченію, не только не считалъ предосудительнымъ заниматься свѣтской литературой и наукой, но даже отдавалъ этимъ послѣднимъ преимущество передъ знаніями чисто богословскими. Онъ съ любовью изучалъ

латинскихъ классиковъ, которыхъ ему удавалось находить въ монастырскихъ библіотекахъ. Пренебреженіе, въ которомъ находились научныя занятія въ Италіи и особенно въ Римѣ, сильно возмущало его. Своему негодованію онъ далъ волю въ сочиненіи «Реймскій синодъ», гдѣ устами Арнульфа, епископа орлеанскаго, онъ громить невѣжественность римлянъ вообще и папъ въ особенности. На эти обвиненія папство черезъ посредство легата Льва отвѣтило, что «викаріи Петра и его ученики не желаютъ имѣть учителемъ ни Платона, ни Виргилія, ни Теренція, ни остальныхъ скотовъ философовъ, которые, гордо летая, какъ птицы по воздуху, погружаясь въ морскую глубину, какъ рыбы, и блуждая повсюду, какъ бараны, описали всю землю». Читая въ письмахъ Герберта о томъ, какъ онъ заботился о пополненіи своей библіотеки классическихъ писателей, какъ, не жалѣя расходовъ, онъ покупалъ или приказывалъ списывать для себя драгоценныя рукописи, мы невольно переносимся мыслію въ XV вѣкъ и привѣтствуемъ въ лицѣ Герберта истиннаго гуманиста X столѣтія. Не менѣе, если не болѣе замѣчательнымъ человѣкомъ является Гербертъ въ области точныхъ знаній, астрономіи и математикѣ. Способъ счисленія, умноженія и дѣленія чиселъ, который онъ преподавалъ въ Реймсѣ и который отчасти изложенъ имъ въ сочиненіи «Книжка о дѣленіи чиселъ», составляетъ эпоху въ исторіи математики. «Правила абака» (т. е. таблицы, на которой Гербертъ производилъ свои вычисленія), составляющія въ сущности переходъ отъ неудобнаго римскаго счисленія къ принятому въ настоящее время, казались современникамъ Герберта чѣмъ-то недостижимымъ, послѣднимъ словомъ человѣческаго разума. Нѣсколько строкъ Рихера, одного изъ учениковъ Герберта, написавшаго по его порученію исторію X вѣка, о «деяти характерахъ», при помощи которыхъ Гербертъ на своемъ абакѣ могъ выражать какое угодно число, вѣстѣ съ «Книжкой о дѣленіи чиселъ» вызвали въ XIX столѣтіи обширную литературу. Вопросъ объ источникѣ математическихъ знаній Герберта, тѣсно связанный съ вопросомъ объ истинномъ источникѣ нашего современнаго счисленія и такъ-называемыхъ арабскихъ цифръ, раздѣлилъ историковъ математики на два лагеря. Одни, ссылаясь на одно мѣсто въ геометріи Бозція, представляющее аналогію съ ученіемъ Герберта, считаютъ его ученикомъ древнеклассическихъ математиковъ. Другіе напротивъ доказываютъ, что это мѣсто

геометріи Боэція есть не болѣе, какъ позднѣйшая интерполяція, сдѣланная однимъ изъ послѣдователей ученія Герберта; Гербертъ же, по ихъ мнѣнію, заимствовалъ свои знанія отъ арабовъ во время своего пребыванія въ испанской маршіи и такимъ образомъ является насадителемъ успѣховъ арабской образованности въ предѣлахъ тогдашней христіанской Европы. И тѣ, и другіе стремятся опредѣлить, что собственно въ излагаемомъ Гербертомъ ученіи заимствовано и что принадлежитъ самому Герберту. Слава учености Герберта еще при жизни его прогремѣла во Франціи, Германіи, Италіи и Испаніи. Ученые лавры реймского схоластика не давали покоя саксонскому ученому Отрику, считавшему себя самымъ ученымъ человѣкомъ того времени, и онъ не успокоился до тѣхъ поръ, пока не потерпѣлъ пораженія отъ Герберта на диспутѣ, происходившемъ въ Равеннѣ въ присутствіи императора Оттона II. Ученики стекались къ Герберту со всѣхъ сторонъ. Къ ихъ числу принадлежалъ французскій король Робертъ. Императоръ Оттонъ III въ письмахъ къ Герберту называлъ Герберта своимъ учителемъ.

Какъ политическій дѣятель, Гербертъ былъ бы замѣчательной личностью и не въ одномъ только X столѣтіи. Его политическая карьера съ самаго начала и до конца имѣетъ высокій историческій интересъ. Французъ (оверніатецъ) по происхожденію, Гербертъ въ продолженіе всей своей жизни является ревностнымъ приверженцемъ германской императорской фамиліи. Получивъ отъ Оттона II аббатство Боббіо, онъ становится васаломъ германскаго императора. Принужденный по смерти Оттона II оставить пожалованное ему аббатство и удалиться въ Реймсъ, Гербертъ вмѣстѣ съ реймскимъ архіепископомъ Адальберономъ обнаруживаетъ энергическую, почти лихорадочную политическую дѣятельность. Отсюда, изъ Реймса, онъ ведетъ дѣятельную политическую кампанію противъ Генриха, герцога баварскаго, который взялъ въ плѣнъ малолѣтняго Оттона III, сына Оттона II, и стремился къ королевской власти. Введенный въ заблужденіе коварной политикой французскаго короля Лотаря, который выступилъ въ роли защитника Оттона III, а въ сущности мѣтилъ ближайшимъ образомъ на Верхнюю Лотарингію, незадолго передъ тѣмъ уступленную Германіи, Гербертъ вмѣстѣ съ Адальберономъ сталъ склонять лотарингскихъ графовъ дать клятву вѣрности Лотарю, какъ защитнику интересовъ Оттона III. Нѣкоторые лотарингскіе графы уже покля-

лись Лотарю въ вѣрности, когда Лотарь сбросилъ съ себя маску, напалъ на Лотарингію, занялъ Вердюнь и сталъ склоняться на союзъ съ Генрихомъ. Замѣтивъ свою ошибку, Гербертъ направилъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы не дать Лотарю соединиться съ Генрихомъ. Въ Лотарингіи онъ сталъ сѣять ненависть къ Лотарю, убѣждалъ лотарингцевъ сопротивляться всѣми силами французамъ, отбить у Лотаря Вердюнь и ни въ какомъ случаѣ не заключать мира съ французскимъ королемъ. Съ этихъ поръ Гербертъ вмѣстѣ съ Адальберономъ только и думаютъ объ интригахъ противъ Лотаря и Людовика, послѣднихъ французскихъ королей изъ династіи каролинговъ. Они повсюду ищутъ точки опоры для того, чтобы парализовать энергію французскихъ королей, тщетно стремившихся возстановить падающій престижъ своей династіи. Эту точку опоры они находятъ то въ Гугонѣ Капетѣ, герцогѣ Франціи, то въ могущественныхъ графахъ Одонѣ и Герибертѣ, изъ которыхъ первый владѣлъ Туромъ и Шартромъ, а второй Troyes и Меаух, то, наконецъ, за границей, въ Германіи, въ лицѣ императрицы Теофаніи, вдовы Оттона II, управлявшей именемъ своего малолѣтняго сына. Гербертъ съ восторгомъ привѣтствуетъ вооруженія противъ Людовика, о которыхъ одно время заговорили въ Германіи. Судьба благопріятствовала реймскимъ политикамъ. Людовикъ умеръ, не оставивъ дѣтей. Реймскіе политики являются рѣшительными сторонниками Гугона и врагами Карла, герцога Нижней Лотарингіи, брата Лотаря. Въ числѣ причинъ, способствовавшихъ паденію каролинговъ во Франціи и избранію Гугона Капета, энергическія усилія Герберта и Адальберона играли не послѣднюю роль. Избраніе Капета, который въ глазахъ Герберта былъ вѣрнымъ союзникомъ Германіи, имѣло для нихъ то значеніе, что должно было положить предѣлъ притязаніямъ каролинговъ, выходившимъ изъ границъ французскаго королевства и безпрестанно угрожавшимъ западной границѣ Германіи. И дѣйствительно Гугонь, какъ видно изъ писемъ, писанныхъ Гербертомъ отъ его имени въ Германію, оказался гораздо податливѣе каролинговъ. Впрочемъ, Карль не безъ боя уступилъ Гугону тронъ своихъ предковъ. Война, которую онъ началъ противъ Гугона, потрясла весь сѣверъ Франціи. Ланъ, а потомъ вслѣдствіе измѣны преемника Адальберона, Арнульфа, и Реймсъ были заняты Карломъ. Подъ вліяніемъ этихъ успѣховъ Карла и еще болѣе вслѣдствіе инструк-

цій изъ Германіи, гдѣ были не прочь поддержать Карла, Гербертъ долженъ былъ стать на сторону Карла и самъ своими руками разрушать результаты своей многотрудной политической дѣятельности въ Реймсѣ. Онъ не былъ въ состояніи находиться долго въ этомъ трагическомъ положеніи. Онъ мало вѣрилъ въ прочность успѣховъ Карла. Съ другой стороны общанія возвратить ему Боббію, которыми не переставали съ самаго начала его пребыванія въ Реймсѣ манить его въ Германію, ни на волю не приближались къ осуществленію. Онъ рѣшился отъѣхать въ Парижъ къ Гугону. Карлъ былъ въ концѣ концовъ взять измѣнническимъ образомъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ Арнульфомъ. На соборѣ въ монастырѣ св. Базола около Реймса Арнульфъ былъ низложенъ, а на его мѣсто въ реймскіе архіепископы избранъ Гербертъ. Но лишь только Гербертъ замѣтилъ, что ему не удастся удержать за собой реймское архіепископство, онъ съ удвоеннымъ рвеніемъ предался служенію интересамъ германскаго императорскаго дома. Онъ удалился ко двору Оттона III, который съ радостью принялъ знаменитаго ученаго. Въ качествѣ наставника молодого императора и отчасти его секретаря, Гербертъ занялъ видное мѣсто при дворѣ Оттона III, и вскорѣ по настояніямъ послѣдняго папа Григорій V сдѣлалъ его архіепископомъ Равенны. Черезъ годъ послѣ этого Гербертъ уже восходитъ подъ именемъ Сильвестра II на престолъ св. Петра.

Въ это время Гербертъ находился въ чрезвычайно близкихъ отношеніяхъ къ молодому императору. Фантастическіе планы востановленія древне-римской имперіи, которыми бредилъ молодой императоръ, были въ значительной степени навѣяны горячимъ поклонникомъ древности, Гербертомъ.

Вотъ краткій очеркъ политической дѣятельности Герберта. Она представляетъ интересъ главнымъ образомъ въ двухъ слѣдующихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, она знакомитъ насъ съ политическими идеалами, которые были возможны въ концѣ X столѣтія,—во вторыхъ, она хорошо рисуетъ намъ истинный характеръ отношеній между Франціей и Германіей, этими двумя частями монархіи Карла Великаго, въ то время все болѣе и болѣе разъединявшимися и обособлявшимися. Подъ вліяніемъ событій настоящаго столѣтія, особенно франко-прусской войны, вопросъ объ отношеніяхъ между Германіей и Франціей въ X столѣтіи, кромѣ чисто научнаго, получилъ еще жгучій интересъ дня. Дѣйствительно, рядъ войнъ между Франціей и Германіей,

имѣвшихъ своимъ главнымъ объектомъ Лотарингію, особенно же коварное нападеніе Лотаря на Ахенъ, чуть было не окончившееся плѣненіемъ Оттона II, и затѣмъ походъ Оттона II въ глубь Франціи подъ самыя стѣны Парижа (978), имѣвшій слѣдствіемъ уступку Лотаремъ Оттону спорной части Лотарингіи,— все это само собою напрашивается на сближеніе съ событіями настоящаго столѣтія. Въ подобныхъ сближеніяхъ недостатка нѣтъ. Ученые, занимавшіеся этимъ вопросомъ, принадлежа преимущественно къ двумъ заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ національностямъ, невольно расположены переносить свои современные взгляды и симпатіи въ X вѣкъ. Шовинистская нотка или оскорбленное національное самолюбіе звучать часто тамъ, гдѣ научная объективность всего необходимѣе и желательнѣе. Читая критики нѣмецкихъ ученыхъ на Рихера, можно иногда подумать, что дѣло идетъ не о писателѣ X столѣтія, котораго настоящее міровоззрѣніе еще надлежитъ опредѣлить, а о какомъ нибудь современномъ германофобѣ. Такъ, напримѣръ, Пертцъ сопоставляетъ политическую тенденціозность Рихера съ той, которая проявляется въ bulletins Наполеона I, а другіе, слѣдуя его авторитетному примѣру, не скупятся относительно Рихера на энергическія выраженія, начиная съ «*französische Eitelkeit*» и кончая просто «*Korblösigkeit*». Поводомъ къ этимъ нападкамъ послужилъ главнымъ образомъ извѣстный пассажъ Рихера, который этотъ авторъ, просматривая свою рукопись, исправилъ такимъ образомъ, что вмѣсто Гизельберта, герцога лотарингскаго, вассаломъ французскаго короля оказался Генрихъ Птицеловъ. Между тѣмъ еще далеко нельзя считать доказаннымъ, что въ этихъ поправкахъ Рихера скрывается сознательная ложь, а не просто заблужденіе, слѣды котораго можно указать уже и въ первой редакціи труда Рихера. Та же страстность проявляется и въ сужденіяхъ о политической роли учителя Рихера, Герберта. Если съ одной стороны попытки представить Герберта французскимъ патріотомъ уже не могутъ никому казаться убѣдительными, то съ другой стороны столь же неосновательно видѣть въ немъ измѣнника и его германскія симпатіи истолковывать въ современномъ смыслѣ этого слова. Секретъ политической дѣятельности Герберта заключается, по нашему мнѣнію, въ его міровоззрѣніи, въ которомъ не было мѣста ни для національной Германіи, ни для національной Франціи. Страстный поклонникъ классической древности, Гербертъ лелѣялъ въ своемъ

воображеніи идеаль римской имперіи, возможность осуществленія котораго для него была гарантирована существованіемъ восточной имперіи, возможностью образованія монархіи Карла Великаго, распавшейся не такъ давно передъ тѣмъ и какъ бы вновь начавшей возникать подъ могущественной десницей Оттона I и Оттона II. Могущество саксонскаго дома было въ глазахъ Герберта надежнѣйшимъ факторомъ осуществленія этого идеала. Адальберонъ Реймскій раздѣлялъ эти мечты Герберта и вмѣстѣ съ нимъ работалъ въ интересахъ саксонскаго дома. Рихеръ былъ тоже еще не чуждъ подобныхъ политическихъ мечтаній, но только въ центрѣ его идеала стоялъ не саксонскій домъ, а французскіе каролинги, и въ этомъ проявился отчасти его націонализмъ.

Если тотъ періодъ, когда Гербертъ былъ реймскимъ архіепископомъ, составляетъ какъ бы нѣкоторый перерывъ въ политической карьерѣ Герберта, то онъ зато наполненъ другого рода дѣятельностью, которая тоже представляетъ собою высокій историческій интересъ. Дѣло въ томъ, что Арнульфъ былъ низложенъ безъ согласія на то папы. Папа не замедлил вмѣшаться въ реймскія дѣла и объявилъ низложеніе Арнульфа, а слѣдовательно и избраніе на его мѣсто Герберта, незаконнымъ. Гербертъ съ энергіей взялся за защиту постановленій собора въ монастырѣ св. Базола, открыто убѣждалъ французскихъ епископовъ не обращать вниманія на угрозы и проклятія папы. Изъ гуманиста онъ обратился въ теолога и сталъ проповѣдовать во Франціи и Лотарингіи ученіе, переносящее насъ въ эпоху реформации. По его мнѣнію, далеко не всякое папское постановленіе имѣло силу, а только то, которое не стоитъ въ противорѣчій съ Евангеліемъ, писаніями Апостоловъ и другихъ отцовъ церкви, канонами четырехъ первыхъ вселенскихъ соборовъ, наконецъ, съ согласными со всѣмъ этимъ постановленіями другихъ соборовъ и папскими декреталями. Онъ громко жаловался на невѣжественность и продажность современнаго ему папства, ставя авторитетность папскихъ постановленій еще, кромѣ того, въ зависимость отъ нравственныхъ качествъ чловѣка, занимающаго этотъ высокій постъ. Замѣчательно, что свои мнѣнія онъ доказывалъ между прочимъ и выдержками изъ лжеисидоровскаго собранія декреталій, въ подлинности отдѣльныхъ частей котораго онъ не сомнѣвался. Свое ученіе Гербертъ изложилъ въ своихъ замѣчательныхъ сочиненіяхъ «Реймскій синодъ».

«Письмо къ Вильдероду» и, кромѣ того, въ письмѣ къ Сигуину, архіепископу санскому (ер. 196). Въ послѣднемъ онъ позволяетъ себѣ чрезвычайно рѣзкія выходки противъ папы и въ концѣ концовъ примѣняетъ къ нему извѣстное изреченіе «буди тебѣ, якоже язычникъ и мытарь». Сочиненія эти были нѣсколько вѣковъ спустя драгоцѣнной находкой для протестантовъ, которые и напечатали ихъ впервые въ 1567 и 1600 годахъ. Изъ католическихъ писателей одни подняли изъ-за нихъ цѣлую бурю противъ Герберта, другіе, памятуя, что Гербертъ самъ былъ потомъ папой, стремились доказать ихъ подложность или считали ихъ, по меньшей мѣрѣ, сильно интерполированными. Нѣкоторые брали даже на себя смѣлость точно указать эти интерполяціи.

Если къ этому краткому очерку главныхъ моментовъ дѣятельности Герберта прибавить, что на своемъ жизненномъ пути онъ прошелъ всѣ стадіи, начиная съ простаго монаха и кончая папой, что онъ извѣздилъ почти всю западную Европу, т. е. былъ во Франціи, Испаніи, Италіи и Германіи находился въ перепискѣ не только со многими государственными людьми и учеными, но и почти со всѣми коронованными лицами своего времени, то станетъ ясно, что въ лицѣ Герберта мы имѣемъ крупную историческую личность, біографія которой можетъ служить прекрасной рамкой для полной картины второй половины X столѣтія.

Нарисовать такую картину и было первоначально моею задачей.

Но чѣмъ болѣе я погружался въ литературу предмета тѣмъ менѣе симпатичной казалась мнѣ моя задача. Мое вниманіе отвлекалось мало-по-малу въ другую сторону, и я пришелъ наконецъ къ убѣжденію, что, только перемѣнивъ направленіе моихъ занятій, я буду находиться на настоящей дорогѣ.

Въ сочиненіяхъ, сходныхъ по плану съ задуманнымъ мною, въ западноевропейской литературѣ недостатка не ощущается. Въ послѣднее время и въ русской ученой литературѣ появился трудъ, посвященный избранному мною предмету. Это диссертація А. Горового «Гербертъ, или папа Сильвестръ II», напечатанная въ кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ за 1886 годъ. Общее заключеніе, которое вынесетъ всякій изъ чтенія сочиненій, которыя трактуютъ о Гербертѣ специально или въ которыхъ такъ или иначе затрогивается переписка Герберта,

заключается въ томъ, что письма Герберта представляютъ собой одинъ изъ интереснѣйшихъ и важнѣйшихъ источниковъ для исторіи Франціи и Германіи въ концѣ X столѣтія, но въ то же время и одинъ изъ самыхъ трудныхъ для пониманія и правильнаго пользованія имъ. Не говоря уже о трудностяхъ текста нѣкоторыхъ писемъ, въ которыхъ иногда невозможно найти смысла, вопросъ о хронологическомъ размѣщеніи этихъ писемъ, безъ разрѣшенія котораго переписка Герберта мало годна для историка, разрѣшался на много различныхъ ладовъ. Остроумныя гипотезы сплетаются здѣсь съ самыми произвольными построениями. Начиная съ XVII столѣтія, чуть ли не каждый авторъ, трактующій объ исторіи Франціи въ концѣ X вѣка, или предлагаетъ свою хронологическую систему для писемъ Герберта, или, если и принимаетъ систему одного изъ своихъ предшественниковъ, то все же считаетъ своимъ долгомъ сдѣлать въ ней нѣкоторыя, болѣе или менѣе значительныя измѣненія. Въ концѣ концовъ получается такая путаница, въ которой разобраться въ высшей степени трудно, и человѣкъ, прочитавшій всѣ посвященные этому предмету сочиненія, приходитъ мало-по-малу къ убѣжденію, что вопросъ о хронологіи писемъ Герберта допускаетъ лишь условное рѣшеніе. Этимъ именно убѣжденіемъ я желалъ бы объяснить себѣ слова М. G. Monod, который въ разговорѣ со мной, узнавъ, что я намѣренъ заняться хронологіей писемъ Герберта, скептически замѣтилъ, что этотъ вопросъ есть *«une bouteille pleine d'encre»*, что онъ сомнѣвается, чтобы на этомъ поприщѣ можно было сдѣлать что-нибудь новое послѣ труда Olleris'a *«Vie de Gerbert»*, помѣщеннаго въ видѣ введенія къ его *«Oeuvres de Gerbert»*; что для русской ученой литературы новый трудъ о Гербертѣ, пожалуй, можетъ имѣть еще нѣкоторый интересъ. Въ этихъ словахъ почтеннаго французскаго ученаго была извѣстная доля правды. Дѣйствительно, если бы принятыя за изслѣдованіе вопроса о хронологіи писемъ Герберта на основаніи одного только печатнаго матеріала и примѣнить для его разрѣшенія тотъ же самый методъ, какимъ пользовался Оллерисъ и большинство его предшественниковъ и послѣдователей, то въ результатѣ могло бы получиться только такое же точно условное хронологическое построеніе, какимъ подарилъ науку Оллерисъ.

Такимъ образомъ, познакомившись съ литературой интересовавшаго меня вопроса, я очутился передъ слѣдующей дилем-

мой: принявъ для коренного вопроса задуманной мною работы одно изъ существующихъ рѣшеній, продолжать мои занятія въ прежнемъ направленіи, или же попытаться самому рѣшить этотъ вопросъ, прибѣгнувъ для рѣшенія его къ другому матеріалу и другому методу.

Первая половина этой альтернативы нисколько мнѣ не улыбалась, такъ какъ ни одна изъ существующихъ хронологическихъ системъ для писемъ Герберта меня не удовлетворяла и всего менѣе та, которую создалъ Оллерисъ. Слѣдовательно, положить въ основаніе моего труда какую-нибудь изъ этихъ системъ значило бы для меня возводить зданіе на фундаментъ, въ прочность котораго я не вѣрилъ.

Итакъ, вотъ тѣ соображенія, которыя заставили меня оставить мою первоначальную цѣль и взвалить на себя тяжелую задачу разрѣшенія одного изъ труднѣйшихъ вопросовъ французской исторіи второй половины X столѣтія.

Не безъ большихъ однако колебаній рѣшился я на послѣднее. Осуществленіе задуманнаго мною плана изслѣдованія требовало, во-первыхъ, много времени вообще и въ частности гораздо болѣе продолжительнаго пребыванія за границей, чѣмъ на какое я могъ разсчитывать. Во-вторыхъ, оно было связано съ необходимостью далекихъ и дорого стоющихъ путешествій по различнымъ бібліотекамъ Западной Европы. Въ-третьихъ, во всемъ моемъ предпріятіи былъ извѣстнаго рода рискъ: могло оказаться, что разбросаннаго по различнымъ бібліотекамъ рукописнаго матеріала недостаточно для того, чтобы отвѣтить на тѣ вопросы, безъ предварительнаго разрѣшенія которыхъ я твердо рѣшилъ не приступать къ хронологическому разсмотрѣнію писемъ Герберта. Если, не смотря на все это и на самую трудность задачи, которая собственно лежитъ на обязанности соотечественниковъ Герберта, я все-таки отъ нея не отказался, то причина этому не самонадѣянность молодого, начинающаго ученаго, а необыкновенная привлекательность вопроса, которой я не могъ противостоять.

Планъ, котораго я рѣшилъ держаться въ моихъ изслѣдованіяхъ, заключается въ общихъ чертахъ въ слѣдующемъ. Я былъ а priori убѣжденъ, что рукописи, въ которыхъ письма Герберта попадаютъ цѣлыми серіями, произошли отъ черновой тетради Герберта, въ которой онъ составлялъ свои письма. Мнѣ казалось, что для опредѣленія хронологической послѣдователь-